

²⁴ *Melanchthon P. Vita Lutheri. – Wittenbergae. – Anno 1555. – S. 17.*

²⁵ *WA. – Bd. 1. – S. 557-558.*

²⁶ *См.: Hauss F. Vater der Christenheit / Neu hrsg. von Silvio Spahr. – Wuppertal und Zürich, 1991. – S. 72.*

²⁷ *WA. – Bd. 24. – S. 72.*

²⁸ *WA. – Bd. 50. – S. 660.*

²⁹ *WA. – Bd. 2. – S. 414.*

³⁰ *WA. – Bd. 18. – S. 719-720.*

³¹ *См. об этом: Vogelsang E. Luther und die Mystik // LuJ. – 19, 1937. – S. 32-54; Maurer B. Martin Luther und die Mystik // Lutherische Kirche in der Welt. – 45, 1988. – S. 23-46.*

³² *См.: Hofmann F. Mystik: Religion der Zukunft – Zukunft der Religion? // Luther. – H. 3, 2002. – S. 155.*

³³ *Schwarz R. Luther... – S. 18.*

³⁴ *WA. – Bd. 11. – S. 117.*

³⁵ *WA. – Bd. 40 III. – S. 657.*

³⁶ *WA Tr. – Nr. 6669.*

³⁷ *WA Tr. – Nr. 526.*

³⁸ *WA Tr. – Nr. 1017.*

³⁹ *WA Tr. – Nr. 173.*

⁴⁰ *WA Br. – Bd. 3. – S. 155.*

Резюме

Голубкін Ю. О. *Істина народжується в огні сумнівів і духовних пошуків ("Anfechtungen" "раннього" Лютера)*

У статті йдеться про тяжкі духовні пошуки "раннього" Лютера, вінцем яких стало його вчення про виправдання вірою.

Латышева А. В.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ И МАРТИРИАЛЬНЫЙ КУЛЬТ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Характерной чертой раннехристианской религиозной жизни было широко распространенное почитание святых и мучеников, некоторые проявления которого можно обозначить как мемориальный и маририальный культ. В современной церковной археологии при изучении византийской архитектуры довольно широко используются понятия "маририй" и "меморий". Целью данной статьи является попытка локализации и интерпретации известных археологических

памятников как центров мартирального или мемориального культов. Современное состояние Херсонесского городища и результаты почти 200-летних раскопок позволяют с большой долей вероятности уточнить характер раннесредневековой сакральной архитектуры. Определив, какие здания и архитектурные комплексы могли быть мартириями, можно установить, насколько был развит культ св. реликвий в Херсоне VI – IX вв. Для описания мартирального и мемориального культа в раннесредневековом Херсоне необходимо систематизировать памятники, которые можно отнести к мартириям и мемориям, рассмотреть различия их функций и выделить признаки, согласно которым рассматриваемые памятники могут быть отнесены к тому или иному типу культовых сооружений.

Прежде чем приступить к рассмотрению мемориального и мартирального культа следует разграничить эти понятия. В 1946 г. вышла в свет двухтомная классическая монография А. Н. Грабара “Мартирий. Исследование о культе мощей и раннехристианском искусстве”¹. В ней автор рассмотрел довольно традиционный для христианской археологии вопрос о почитании святых мощей с точки зрения функциональности, т. е. связи между “формой и функцией”². Такой подход все чаще используется историками и археологами для изучения вопросов, касающихся взаимосвязи духовной и материальной культуры.

В первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, что же можно считать мартирием, а что меморием. На первый взгляд, мартирий – это место упокоения святого, мученика (от греч *martyros* - мученик), а меморий (или “теофанический мартирий”³) – культовое сооружение, построенное в память о каком-либо значимом событии, носящем религиозную окраску, часто на месте (реальном или предполагаемом), где оно свершилось. Таким событием могла быть мученическая смерть святого или какое-либо чудо во имя Господа, совершенное святым. Во всяком случае, эти памятники были связаны с конкретными именами, почитаемыми в данной местности, а не с именами Свв. Апостолов, или святых, чей культ был привнесен из других провинций Византийской империи, т. е. и мемории, и мартирии были связаны исключительно с именами местных святых и являлись в своем роде уникальными. Такое же положение наблюдалось и в византийском Херсоне.

Однако многие исследователи отмечают трудности, которые возникают при рассмотрении культа святых. Ж. Лассюс говорит о том, что здесь следует разграничивать культ “собственно погребальный и два аспекта почитания мучеников – на их могиле и их мощей”⁴. Кроме того, “помимо захоронений святых и мучеников археологи встречается со множеством захоронений в церквах светских лиц”⁵. Поэтому следует взять на вооружение замечание Н. Дюваля, о том, что следует разделять “привилегированное захоронение” и “захоронение привилегированного лица”⁶. Первое – это захоронение мученика или святого, почитаемого христианской общиной, а второе – погребение членов общины в “священных местах”, на что требовалось разрешение епископа.

Следует также учитывать архитектурный тип здания. Согласно исследованиям А. Н. Грабара, мартирии и мемории обычно представлены центрическими сооружениями, в то время, как вытянутые пропорции базилики свидетельствуют об обычном (евхаристическом) культе⁷.

Это значительно сокращает круг памятников, связанных с культом святых, однако, мемории и мартирии могут быть представлены и подземными церквами и склепами, что не очень четко вписывается в схему, обозначенную Л. Г. Хрушковой, согласно которой “один из важных критериев – находится ли это погребение выше уровня пола или под полом церкви”⁸. К сожалению, автор не указала, каким образом следует различать такие погребения. На херсонесском археологическом материале какой-либо закономерности проследить не удалось. Погребений второй половины VI – начала X вв., возвышающихся над полом мартириев, в Херсонесе совсем немного. Одно из таких захоронений находилось в “часовне В” и представляло собой своеобразный ящик, сложенный из отесанных плит, закрывающийся каменной плитой-крышкой⁹. Но ящик был заполнен костяками нескольких людей, поэтому нельзя с полной уверенностью утверждать, что эта могила входила в число херсонесских святынь, а не являлась погребением “привилегированных лиц”. Похожие погребения были обнаружены поверх мраморного пола храма “А”, входившего в Уваровский комплекс и разрушенного в XI – XII вв.¹⁰ При всей скудости данных можно сказать, что они также не были могилами почитаемых святых. В основном, в Херсонесе захоронения (если они

находились в помещениях мартыриев) располагались под полами: вырубленные в скале и выкопанные в грунте гробницы, подземные склепы с нишами-лежанками или без них.

Так, мартырий Св. Климента, расположенный на островке в Казачьей бухте, представлял собой подземную гробницу-крипту (арка) с отдельным входом¹¹. Остатки каменной церкви, перенесенной во второй ярус, и окружающего ее комплекса построек на островке в Казачьей бухте связывают с храмом, построенным “ангельскими руками” на месте кончины Св. Климента¹². После обретения и перенесения в Херсон мощей святого в начале 861 г. они могли быть положены в одном из приделов Уваровской базилики в саркофаге, который позднее был использован для погребения Ярослава Мудрого в Софии Киевской¹³. Это единственное свидетельство о почитании напольной гробницы святого.

Одним из ранних христианских мартыриев можно считать находящийся под “часовней Г” (№12) в комплексе Западной базилики т. н. склеп Св. Василия¹⁴. К. К. Косцюшко-Валюжинич считал, что этот подземный мавзолей с лежанкой шириной 1,25 м (что составляет примерно двойную ширину стандартной лежанки) следует относить “к древнейшим памятникам христианства в Херсонесе”. Возможно, он был именно той святыней, с которой связано строительство всего комплекса Западной базилики¹⁵. Исследователи отмечали в апсиде находящейся над склепом часовни “Г” три ниши, имитирующие три конхи, что особенно характерно для мартыриальных построек.

С именем Св. Василия можно связать еще один раннесредневековый памятник. Речь идет о склепе с фресковой росписью на земле Н. И. Тура, исследованном в 1911 г. В VI-VII вв. он был перестроен в подземный меморий, в котором могли служить литургию, о чем говорит алтарная преграда, отделяющая восточную нишу от основного пространства. Скорее всего, это место херсониты связывали с Чудом Св. Василия, когда мученик воскресил умершего юношу, сына “первенствующего”, свершив над ним обряд крещения. Здесь проявилось могущество Господа – теофания. Чудо произошло в подземной гробнице, что объясняет устройство мемория в древнем склепе. Символы воскрешения, вечной жизни и спасения присутствуют в достаточно хорошо сохранившейся росписи: два павлина с гирляндой из лавровых листьев в клювах, цветы роз, голуби. Возможно, на то же

указывает фреска на правой боковой стене склепа, если трактовать фигуры, изображенные на ней, как аллегорическое изображение.

Еще один меморий, посвященный упомянутому святому, находился на главной площади Херсона. Возможно, он сменил в конце VI – начале VII вв. “столп” с крестом, поставленный христианами на месте, где был мученически убит язычниками Св. Василей. Как видим, практически все места, которые агиографы связали с именем этого святого, отмечены культовыми сооружениями и почитались верующими.

Последователи Св. Василея, также мученически погибшие в Херсоне, обрели покой на юге от города за “Мертвыми” воротами, на месте античного некрополя, со временем превратившегося в главное христианское кладбище. Локализовать эти погребения достаточно сложно. К югу от Херсона расположены два кладбищенских храма. В низменной части некрополя находятся руины раннесредневекового храма, бывшего в свое время богатым мартирием, главенствующим над другими постройками, находившегося здесь монастыря Богоматери Влахернской. Собственно мартирием, скорее всего, следует назвать соединенные проходами склепы №№ 1409, 1410 и 1411 и отдельный склеп № 1406, находящийся под южной ветвью крестообразного храма. Именно с этими склепами можно связать “святые могилы”, упоминаемые в “Житиях Свв. епископов Херсонесских”. В пользу этого предположения свидетельствует то, что крестообразный храм изначально оформлялся как кладбищенский мартирий: без алтарной апсиды с красивой напольной мозаикой, где использовались символы вечной жизни (павлины, виноградные лозы, канфары). В VII в. он был перестроен для отправления литургии, что свидетельствует о его возросшем значении для христианской общины Херсонеса. На территории этого монастыря после своей смерти 16 сентября 655 г. был похоронен римский папа Мартин причисленный к лику святых. Его гробница (μνῆμα, memoria) соответствовала характеру этого комплекса, являвшегося сосредоточием почитаемых захоронений¹⁶.

Возможно, мартирием был однефный одноапсидный “Храм 1902 г.”, построенный, вероятно, в эпоху раннего средневековья¹⁷. Под ним К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил две усыпальницы, содержавшие разрозненные кости¹⁸. Благодаря своему расположению он возвышался над дорогой к городским воротам и вполне подходил на роль почитаемого мартирия херсонских мучеников.

Место, связанное с деятельностью “самого удачливого” херсонского миссионера – Св. еп. Капитона, отмечено, прежде всего, самым интересным меморием Херсона – четырехапсидным храмом (№ 47). Он был возведен не ранее второй половины VI в. “в память о чуде епископа Капитона” над остатками известеобжигательной печи, чтобы напоминать об окончательной победе христианства и крещении жителей Херсона¹⁹. В нем не было обнаружено следов престола или синтрона, что свидетельствует о том, что храм изначально предполагался не как “функциональный”, приходской, а как “мемориальный”. Некоторые исследователи считали четырехапсидный храм № 47 баптистерием. Впервые эта мысль в качестве предположения была высказана Р. Х. Лепером, однако, впоследствии автор не развил ее²⁰. Затем, уже как утверждение, она встречается в работе А. Л. Якобсона “Крым в средние века”: “...крещальня, четырехлопастная в плане и также завершенная куполом, находилась в... западной части города”²¹. Однако, учитывая особенности византийского богослужения, крещальня должна находиться при храме, предназначенном для отправления литургии и связанного с ней таинства Евхаристии²². Поэтому строительство крещальни на большом расстоянии от ближайшего храма невозможно с точки зрения византийской богослужебной традиции. Кроме того, в большом центрическом помещении, если оно задумывалось как баптистерий, должна находиться стационарная купель (скорее всего – в центре здания), а при раскопках не найдено даже намека на ее существование. Поэтому наиболее достоверной является версия о строительстве этого храма над остатками известеобжигательной печи в качестве “мемория”, или как правильное его называть “теофанического мартирия” в память о чуде святого Капитона.

А. Ю. Виноградов относит к одному из первых упоминаний о мартирии в Херсоне, построенном “уже в середине IV в.” надпись, возможно, строительную, датированную 350-355 гг. (В царствование (или: консульство) Флавия Юлия Констанция блаженному (?) Ипполиту этот (?) ... памятник был...). Однако, кроме этой надписи нет других источников, где бы содержались сведения о мученичестве Св. Ипполита в Херсоне и традиции почитания его погребения.

Это далеко не полный список херсонских мемориев и мартириев, наверняка существовали и неизвестные нам постройки, связанные с забытыми святыми, о которых не упоминают нарративные

источники. Раннесредневековый период был отмечен тем, что мир мертвых, прежде находившийся за городскими стенами, стал проникать в мир живых. Погребения все чаще стали совершаться на территории храмовых комплексов, вплоть до того, что некоторые культовые строения превратились в усыпальницы-кимитирии и мощехранильницы-липсанотеки.

Во всяком случае, можно сказать, что в жизни херсонской христианской общины значительную роль играл культ святых, в том числе и как элемент культа мертвых. Жители города по крупицам собирали все, что связывало их с прошлым, отмеченным чудесами, мученичеством и богоугодными делами. Все это тщательно охранялось и сопровождало херсонита на протяжении всей его жизни, к святым местам он стремился быть ближе и после смерти.

Примечания

¹ *Grabar A.* Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. – Vol. I–II. – Paris, 1943–1946.

² *Хрушкова Л. Г.* Андрей Николаевич Грабар и европейская христианская археология // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию А. Н. Грабара. – СПб, 1999. – С. 100.

³ *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. – Paris, 1946. – Vol. 1. – P. 385.

⁴ *Lassus J.* Sanctuaires chretiens de Syrie - Paris, 1962. - P. 594.

⁵ *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VIII века). – М., 2002. – С. 408.

⁶ *Duval N.* “L'inhumation privilee” en Tunisie et en Tripolitanie // L'inhumation privilee du IVe au VIIIe siecle en Occident: Actes du Colloque tenu a Creteil les 16-18 mars 1984 / Ed. Y. Duval, J. -Ch. Picard. – Paris, 1986. – P. 27-28.

⁷ *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. – Paris, 1946. – Vol. 1. – P. 385-388.

⁸ *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VIII века). – М., 2002. – С. 409.

⁹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1901 гт. Отчет о раскопках в северо-западном углу городища (продолжение раскопок 1891 и 1895 гг.) // НА НЗХТ. – Д. № 10. – Л. 8..

¹⁰ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1904г. Херсонес. Монетный двор, раскопки в центре некрополя, в южной части монастырской усадьбы // НА НЗХТ. – Д. № 13. – Л. 21.

¹¹ *Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. – 1893. – № 12. – С. 58-64; *Маркевич А. И.* Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место

Латишева А. В. Мемориальный и мартиріальний культ ...

кончины святого Климента, папы римского // ИТУАК. – 1909. – Т. 43. – С. 105-115; Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. ТМАО. – 1916. – Т. 25. – С. 69-76.

¹² Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. – 1893. – № 12. – С. 59.

¹³ Пуцко В. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Byzantino-bulgarica. – Sofia, 1986. – Т. 8. – С. 301; Jastrzebowska E. Der Sarcophag des Jaroslav in Kiev // Akten des Symposiums “Fruhchristliche Sarcophage”. Marburg, 30.-4.7.1999. – Mainz, 2002. – S. 129-135; Jastrzebowska E. Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica // Studia su Clemento Romano. – Roma, 2003. – P. 136-137, fig.16.

¹⁴ Жития свв. Ефрема, Василия, Елпидия, Агафодора, Еферия, Капитона в новом позднем переводе // Лавров П. Жития Херсонских святых в греко-славянской письменности / ПХХ. – 1911. – Вып. 2. – С. 166

¹⁵ Сорочан С. Б. О храме Созонта, “доме св. Леонтия” и мартиріи св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 165.

¹⁶ Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности ТМАО. – 1916. – Т. 25. – С. 82

¹⁷ Сорочан С. Б. О монастырском комплексе на Девичьей горке около Херсонеса // Небесные патроны и земные служители культа. – Севастополь, 2007. – С. 47 – 48

¹⁸ Косцюшко-Валожинич К. К. Отчет за 1902 г. Отчет о раскопках городища (акрополь), крестообразного храма и некрополя // НА НЗХТ. – Д. № 11. – Л. 27; Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ – М., 1905. – Вып. 1. – С. 119 – 212

¹⁹ Сазанов А. В. К вопросу о времени сооружения четырехapsedного храма Херсонеса // Хсб. – 2004. – Вып. XIII. – С. 202-210.

²⁰ Лепер Р. Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906-1909 гг. // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 92.

²¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 72.

²² Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884. – С. 45.

Резюме

Латишева О. В. Меморіальний та мартиріальний культ у ранньовізантійському Херсоні

Стаття присвячена дослідженню меморіального та мартиріального культів, які мали велике значення у житті Херсонської єпархії VI – X ст. і були пов'язані з культом святих реліквій. Особлива увага приділяється локалізації пам'яток меморіального характеру та їх інтерпретації згідно з даними історичних джерел. Як окремий тип виділяються сакральні споруди, що можна віднести до меморіїв. Таким чином, процес монументалізації місць, пов'язаних з тутешніми легендами, який дослідники відмічають на всій території візантійського впливу, зафіксований і в Херсоні.